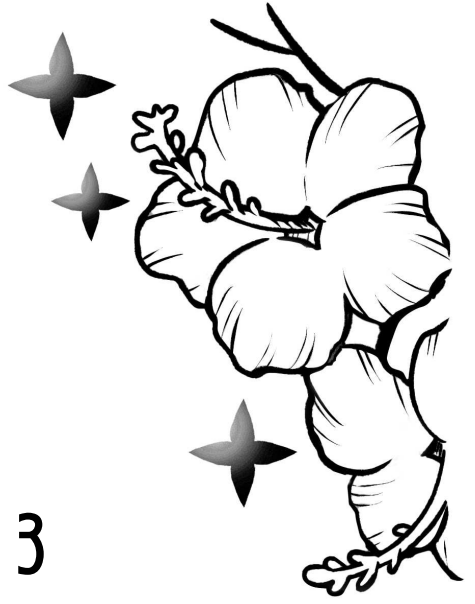

TOM 3

ТОМ БЕЛЛ

ДРАКОН
И
БУРЕВЕСТНИК
НЕФРИТОВОЕ СЕРДЦЕ

LIKE
BOOK

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Художественное оформление *Анастасии Зининой*

Иллюстрация на переплете *Mokiko33*

Иллюстрация на форзаце *Ин Алаторе*

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© Oleksandra Klestova, Elina Li, MIKHAIL BALASHOV, Focus no.5 /
Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Белл, Том.

Б43 Дракон и Буревестник. Нефритовое сердце / Том
Белл. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-206813-3

Лю становится хуже день ото дня. Осколок зеркала продолжает терзать его сердце. В поисках исцеления он вместе с друзьями отправляется через всю Империю к загадочной, затерянной среди пустынь долине Алчности. Но то, что он найдет, навеки изменит его судьбу.

Тем временем Кайсин прибывает в дом своего супруга, возведенную самими драконами великую Нефритовую башню высотой до самых небес. Чтобы исполнить роль в плане Нефритового мага, девушка начинает постигать свой дар — таинственную силу, что течет в ее крови. Что принесет ей этот путь? Сможет ли юный Буревестник отыскать спасение в логове коварного дракона, полном интриг и предательства?

Сумеют ли навеки разлученные Лю и Кайсин увидеться вновь?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206813-3

© Белл Т., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛОССАРИЙ

Кайсин (Мао Кай) — дочь главы Первого советника Императора, наследница рода Мао, живущая в родовом поместье отца — Синем дворце.

Лю (Эй Лю¹) — вор, живущий в южной части старого города.

Жу Пень (Мааыш) — верный друг Лю, который делит с ним все тяготы и невзгоды жизни в трущобах.

Ши-Фу — бродячий монах из Храма семи ветров (он чокнутый, если верить Жу Пеню).

Си Фенг — бывший военачальник армии Императора в чине Генерала-Бури, ныне телохранитель Кайсин.

Хуан Джун — командующий Имперской гвардией, давний друг и ученик Си Фенга.

Мао Муген — глава рода Мао, Первый советник Императора Цао Цао.

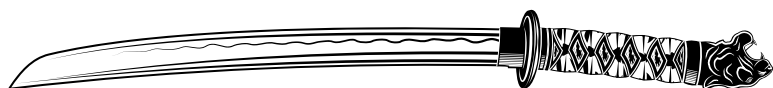
Шень Ен — Нефритовый маг, владетель восточных земель и господин Нефритовой башни.

Пейтаммах — евнух, слуга и посланник Нефритового мага.

¹ Имена в книге построены следующим образом: в полном имени сначала пишется фамилия, затем — личное имя.

- Вей Шен — рядовой солдат из армии Нефритового Легиона.
- Мэйс — приемная дочь главы рода Мао, служанка Кайсин.
- Го Цзя — управляющий Нефритовой башни.
- Хай Зу — бывший друг Лю и Жу Пеня, примкнувший к пиратам из Братства Соленого берега.
- Пана — старая травница, живущая в трущобах, которая воспитывает беспризорных детей.
- Пин Пей — торговец стеклянной посудой, друг Лю и Жу Пеня.
- Цао Цао — Великий Император, правитель Империи Цао.
- Ма Пэн — князь одной из северных провинций, предводитель восстания зеленых повязок.
- Лян — столица Империи Цао.
- Нефритовая башня — древняя крепость Нефритового мага.
- Као Бэй — город-крепость в Империи Цао, находящийся под контролем восстания зеленых повязок.

Продолг

Легкий ветер увлекал песчинки по склону бархана. Струйки песка шуршали среди моря длинных теней, осыпались к подножию и замирали возле скал. Солнце почти скрылось за горизонтом, и над пустыней низко повисло сиреневое небо. Желтоватое марево заката укуталось в алую вуаль и начало медленно растворяться далеко на западе. Где-то раздался радостный птичий крик. Дневная жара наконец-то начала спадать. Казалось, что можно вздохнуть спокойно. Но у обитателей песчаной долины была всего пара часов, чтобы успеть пожить, прежде чем вновь скрыться под землей. Место смертельного солнцепека вот-вот займет обжигающий холод. Огромные дюны покроются ледяной коркой, затрещит иней, и пустыня станет безжизненной и опасной, как и днем.

Из-под гладких скал высунулась серая головка двурогой ящерицы. Малютка похлопала глазами и замерла, прислушиваясь к шуму ветра и шороху песка. В пустыне можно было погибнуть тысячью способов. Ящерица не собиралась испытывать ни один из них. Она облюбовала себе норку в этом месте уже давно. В тени тесной впадины было прохладно днем, а по ночам нагретые камни не давали замерзнуть. На скалах то и дело можно было найти застигнутых жарой или холодом мышей и насекомых, а еще неведомо откуда взявшиеся недо-

еденные останки животных. По утрам и вечерам на гладких булыжниках высыпала роса. Ящерица успевала вдоволь напиться и наестся, прежде чем беспощадная стихия выходила на охоту за теми, кто не успел спрятаться.

Убедившись, что опасности нет, ящерица вынырнула из укрытия и, быстро перебирая лапками, взобралась на вершину утеса. Вечернюю тишину нарушал только быстрый стук ее коготков по каменной крошке. Внезапно все затихло. Ящерица замерла перед старой, почти истлевшей оленьей тушей, облепленной червями и мухами. От некогда величественного животного остались лишь поломанные рога и ряды грязно-желтых ребер, обтянутых скудной полоской гнилой плоти. Ящерица не ведала, как туша оказалась так глубоко в пустыне. Да и не задавалась она подобными вопросами. Знала наверняка лишь одно: когда небеса начинают трястись, а над песками простирается оглушительный рык — нужно прятаться. Прятаться, чтобы на следующий день найти среди скал очередную жертву ужасающего *Зверя*, само присутствие которого внушало страх и трепет. Она видела его лишь единожды. От ужаса и отчаянного желания спастись ящерица убежала. Но огромную пеструю ленту, что заслонила собой половину неба, запомнила навсегда.

Однако вот сменилось уже несколько десятков лун и солнц, а пугающее создание больше не появлялось. Возможно, стоило радоваться, что привычного рева или ночного сопения, которые доносились каждый день со стороны одинокой горы, давно не было слышно. Но вместе с ними и свежая вкусная еда перестала появляться. Оленья туша совсем пропала. Ящерица не рискнула к ней притронуться и прошла дальше, в предгорья. Туда, где скалы обрывались и начинался неровный каньон. К этому месту не приближались даже птицы. С высоты их полета расщелина напоминала огромную изломанную, похожую на молнию трещину, глубокую настолько,

что туда не попадал солнечный свет. Казалось, что некогда из недр земли вырвался потрясающих размеров змей, оставив после себя страшные шрамы на лице пустыни.

Ящерице было безразлично, как выглядит каньон. Не заботило ее и то, как он появился, какой был глубины и что скрывал в своих тенях. Она остановилась на краю обрыва и посмотрела на громаду одинокой горы, которая возвышалась над всей долиной и доставала верхушками до рваных облаков. Ущелье спиралью протянулось вокруг нее, образовав самый настоящий лабиринт.

Зверь жил там. Во тьме горы. Внутри гигантского черного зева пещеры, что, подобно хищной пасти, оскалилась на долину. Ящерка никогда не бывала там. Ветерок приносил оттуда манящие запахи еды и тлена, но все же соваться туда не осмеливался никто.

Ящерица чувствовала его присутствие. Ее рожки начинали болеть, а выступы над глазами дрожали каждый раз, когда он возвращался в логово с добычей. Они делали это не то от страха, не то от любопытства. Едва ли ящерка задумывалась о таком. Трепет не покидал ее уже несколько недель, но в этот вечер что-то изменилось. Теперь ее манило к пещере. Так сильно, что, несмотря на сжимавший сердце ужас, она вдруг сорвалась с места и побежала к горе. Ловко прыгая с камня на камень, она неслась по краю обрыва, вдоль огромных костей неизвестных животных, позабыв об опасной близости холодной ночи.

Когда солнце исчезло совсем и пустыня выдохнула последнее тепло, ящерица оказалась перед входом в пещеру. В свете восходящей голуболикой луны тот казался огромным. Но на деле был еще больше — необъятным. Беззвучная темнота источала горячий смрад. Здесь не было жизни. Только пустота и смерть.

Но ящерка чувствовала чье-то присутствие. Ощущала чей-то зов. Поддавшись наваждению, она без раздумий переступила черту между холодным лунным светом и чернильным мраком пещеры. Тьма заключила ее в свои объятия, словно мать

давно потерянную дочь, и повела вперед. Путь пролегал мимо глубоких провалов в земле, в которых ощущался жар земных недр и пламени, по запутанным узким тропам, вымощенным гладкими камнями. Если бы ящерке было хоть какое-то дело, она непременно замедлила бы шаг, чтобы восхититься чернотой этих камней, подивиться алому отблеску на их поверхности, с интересом изучить песочные прожилки.

Тишину мерно разрывал стук ниспадающих капель. Жажда на миг пересилила таинственный зов, и ящерка, поморгав, ринулась на звуки воды. Воздух стал сырее и слаще. Темнота начала рассеиваться. Скатившись по крутому влажному склону, малютка остановилась у кромки огромного озера. Водная гладь, сиявшая бирюзовыми красками, была неподвижна, будто покрыта льдом. Над ней клубились и кружились вокруг друг друга мириады огоньков. Похожие на светящихся мошек, они бурно роились у самого берега, то взмывая вверх, то резко опадая и растворяясь в бездонных водах.

Едва прищелица подошла ближе, чтобы поймать одну из мошек, зов повторился. Он вновь впился в тельце своей жертвы и повел ее к каменному мосту, который нависал над озером. Ящерка не сопротивлялась. Но даже если бы и могла, не стала бы. Страх окончательно покинул сердце и разум. Она стремилась узнать, что ждет в конце моста, там, откуда разливался по всей пещере зеленоватый свет. Она быстро перебирала лапками, скребла коготками по камню, почти не дыша, словно дышать ей и не нужно было вовсе. Свет становился все ярче, тьма отступала, жар усиливался. Присутствие Зверя ощущалось отчетливо, как никогда раньше.

Он был совсем рядом.

Его размеренное дыхание раздавалось под сводами пещеры. Сама гора будто и была этим загадочным созданием — непостижимым, грандиозным, смертельным...

До ящерики донесся нарастающий гул. Ему вторили волны зеленоватого света. Они пульсировали, подобно биению сердца, и стекали молочными реками с острова посреди озера. Не разбирая дороги, ослепленная, бедняжка неслась навстречу сиянию. Еще чуть-чуть — и она растворится в нем. И не будет больше никакой жаркой пустыни и холодных ночей. Даже присутствие *Зверя* уже не казалось чем-то важным. Совсем скоро останется только море света.

Внезапно она почувствовала кого-то еще. Ошеломляющая сила попыталась вытеснить таинственный зов, что взял под контроль ее волю.

Гора пришла в движение.

Гигантские тени пробежали по стенам пещеры. Черная полоса на мгновение перечеркнула яркий свет, а затем с оглушительным грохотом между ящерицей и островком обрушилась гигантская лапа. Тройка изогнутых пальцев, увенчанных острыми когтями размером с самое высокое дерево, обхватила мост, словно соломинку. Над ящерицей возникла змееподобная морда: алая чешуя переливалась цветами пламени и заката, из ноздрей вырывался серый дым, по бокам оскаленной пасти свисали длинные усы, кончики которых терялись в воде. Но если бы ящерица могла удивляться, сильнее всего ее поразили бы глаза *Зверя*. Левый, без зрачка, сиял белым светом, как солнце, окутанное яростным огнем. Вторая же глазница, изувеченная и израненная, была пуста, и лишь черная безжизненная плоть говорила о том, что когда-то на этом месте находился еще один глаз.

Зверь сдвинул кустистые брови, раздраженно вздохнул, отчего вздрогнули стены пещеры, и рыкнул:

— Ты снова здесь.

Ящерица не понимала слов. Чужая воля, которая провела ее сквозь тьму, заметалась в голове из стороны в сторону. Она

попыталась вырваться из разума своей жертвы, отчего ящерку пронзило молниями боли. Она яростно зашипела, а когда муки стали невыносимы, запищала, сжавшись в клубочек.

— Оставь ее и уходи прочь.

Голос Зверя был тихим, спокойным. И угрожающим. Но попытка не прекращалась.

— Ты подобрался близко в этот раз, — продолжал он. — Но я еще здесь. Я — верный страж, и мое бремя получит лишь достойный. Тебе никогда не найти то, что ты ищешь, пока я жив.

Ящерка вдруг оцетинилась, насупила рожки и зашипела:

— Тогда ты умреш-ш-ш-ь...

— Прочь!

Оглушительный рокот сотряс основания самой земли. Со сводов посыпались камни и крошка. Вспышка зеленого света озарила стены пещеры, и миг все померкло. Осталось лишь слабое сияние в центре острова. Зверь снова вздохнул и посмотрел на ящерицу. Та боялась шелохнуться. Сознание вновь вернулось к ней, и она ошарашенно посмотрела на гигантского змея с одним огненным глазом.

— Ну? Чего стоишь? — как можно тише проговорил тот.

Ящерка вздрогнула и побежала по каменному мосту прочь от опасности. Дождавшись, когда она исчезнет, Зверь приблизился к островку.

— Он все ближе и ближе. — Огромный коготь вынырнул из темноты и ласково коснулся купола света. — Скоро он найдет нас. Нужно спешить.

Сияние снова начало пульсировать. Если бы в этот момент в пещере Зверя оказался кто-то еще, он услышал бы гулкое биение сердца.

ЧАСТЬ I
ОБРЕТЕНИЕ СЕБЯ

ВЫДЕРЖКА ИЗ ГЛАВЫ
«ПЕРВЫЙ ИЗ СМЕРТНЫХ»
ПРАКТАП «О ЧЕТЫРЕХ ДРАКОНАХ»
АВТОРА ЦИНЬ ПИНЯ
ТРЕТИЙ ВЕК СР ВРЕМЕН ИСХОДА ПРАРОДИТЕЛЕЙ

Он был первейшим из всех смертных, удостоенный чести силы Прародителей вкусить. Избран был он благодаря заслугам своим. Стоек он был и умен. Прозорлив и отважен. Именно ему довелось разрозненное племя людское собрать под началом одним, под дланью своей, дабы направлять род человеческий на пути изучения мира, духами созданного. Мудрость его границ не знала, и даже драконы дивились, как широка душа его была, как мог он прозревать грядущее, будучи простым смертным, и каким искусством преображения мира обладал он.

Страшась грядущего и опасаясь промедления, Прародители собрались на совет долгий на вершине Башни своей и призвали его, первого из первейших, дабы сделать его равным себе.